

ТЕНДЕНЦИИ

>> СТР. 12

Экономика отходов
Сточные воды стали источником биотоплива

АЛЬТЕРНАТИВА

>> СТР. 14

Аммиачное будущее
Чем заменяют традиционные углеводороды

ТЕХНОЛОГИИ

>> СТР. 16

Домашние электростанции
ЕС строит систему распределенной генерации

Как избежать ловушек международного сотрудничества

Разворот на Восток несет риски, которые нельзя игнорировать

Андрей Конопляник

Многие считают, что поворот, и даже более радикально – разворот России на Восток, начался с 2022 года. По моему мнению, это не так. Это произошло много раньше, но началось лишь тогда, когда для этого созрели материальные предпосылки.

Великий Николай Константинович Байбаков (заместитель председателя Совета министров, председатель Госплана СССР в 1965–1985 годах. – «НГ-Энергия») утверждал, что «нефть всегда течет с Востока на Запад». Во времена СССР это было верное утверждение. Ресурсная база с течением времени уходила все дальше на восток: после Баку – Урал-Поволжье, затем Западная Сибирь. Потребители/рынки же с течением времени перемещались все дальше на запад: поставки шли сначала в европейскую часть СССР, где было сосредоточено 80% населения и промышленного потенциала страны, затем в страны Совета экономической взаимопомощи (СЭВ), затем в Западную Европу.

Освоение новых ресурсных баз на востоке СССР (а в 1990-е годы и в РФ) было нацелено на покрытие прироста спроса в европейской части СССР/РФ и в Европе, и на возмещение выбытия добывающих мощностей, нацеленных на поставки в западном направлении. Время опоры на Азию в XX веке еще не пришло – там не было должных объемов спроса, чтобы экономически обосновать освоение месторождений на востоке страны и крупномасштабные поставки (для получения эффекта масштаба) оттуда в Азию.

В начале 1990-х годов стала выдвигаться и формулироваться концепция устойчивого развития российской энергетики с опорой на «три ноги». Первым на моей памяти ее выдвинул и сформулировал в 1990–1991 годах академик РАН Алексей Макаров, что Россия должна опираться на три континентальных рынка: внутренний российский плюс экспортные европейский и азиатский. Я назвал эту его концепцию «триногий Макарова» (здесь и далее сохранена орфография автора. – «НГ-Энергия»). Это значит, необходимо развивать энергетическую инфраструктуру, связывающую эти рынки и российскую ресурсную базу невозобновляемых энергоресурсов (НВЭР), чтобы иметь возможность при необходимости маневра потоками между ними. И формировать таким образом Евразийское энергетическое пространство (ЕЭП).

Встреча лидеров России и Китая в ходе первого визита президента Владимира Путина после его избрания на новый срок должна была продемонстрировать отсутствие каких-либо проблем в отношениях двух стран. Фото Reuters

Три вектора

Ответом России на грядущее необратимое закрытие европейского рынка для российских энергоресурсов с 2027 года в соответствии с программой REPowerEU – «Перезагрузки ЕС» – является неизбежное перераспределение энергетических потоков в рамках трех векторов «триногий Макарова». Происходит:
– временное увядание вектора «А» (европейский рынок). Неизбежна долговременная утрата рынка ЕС для РФ в результате целенаправленного двойного разорения Европы через организованный США конфликт Украины и России при поддержке ЕС/НАТО;
– рост значения вектора «Б» (внутренний рынок РФ). Я вижу три группы приоритетов на этом направлении.

Во-первых, энергоэффективность, включая ее энергетические эффекты (рост отдачи/полезной работы с единицы используемой энергии), инвестиционные эффекты (снижение потребности в инвестициях на добычу/производство первичной энергии при

сохранении того же количества энергии, подведенной к конечному потребителю с перенаправлением высвободившихся средств на иные приоритетные цели страны), климатические эффекты (уменьшение выбросов вследствие снижения объема вовлекаемой в хозяйственный оборот энергии и оборудования для ее производства, переработки, транспортировки, преобразования).

Во-вторых, опора на газ (в том числе для ускоренной экономической эффективной утилизации неостребованных в Европе объемов, под которые были созданы мощности по добыче) и использованию нетрадиционных решений. Например, за счет ускоренной децентрализованной газификации (и электрификации на ее основе) огромных неосвоенных территорий России к востоку от Урала и в Арктической зоне на основе малотоннажного СПГ (мт-СПГ в криостанциях и танк-контейнерах), модульного энергоснабжения (дискретного ряда газовых турбин малой мощности, комбинируемых в электростанции

под нужную нагрузку) и беспилотных грузовых дирижаблей как всепогодного всепогодного средства доставки танк-контейнеров с мтСПГ и крупнотоннажных модулей для маттехснабжения, как замена северному завозу в условиях отсутствия стационарной транспортной инфраструктуры.

В-третьих, опора на собственные силы, ибо реальный суверенитет, в том числе на природные ресурсы, обретается через интеллектуальный, технологический и финансовый суверенитет;

– рост значения вектора «В» (азиатский рынок). Поворот на Восток – это не вынужденное, но объективно-обусловленное решение. Задачей которого должна являться энергетическая консолидация Евразии на основе общих приоритетных целей устойчивого развития (ЦУР) ООН, чтобы на смену «долгострою США» (термин Джованни Арриги) пришел не «век Китая», но «век Евразии». Нужна система объединенных/интегрированных решений в рамках векторов «Б» и «В» «триногий Макарова» для до-

стижения «эффекта масштаба» и других синергетических эффектов (расширение рынков, снижение удельных затрат, увеличение числа вовлеченных игроков...), чтобы переход от системы доминантных для России до 2022 года векторов «А» плюс «Б» в рамках Большой энергетической Европы (БЭЕ) к ставшим доминирующими с 2022 года векторам «Б» плюс «В» в рамках ЕЭП прошел с разумно меньшими издержками.

В рамках «века Китая» России, похоже, уготована роль одного из (неключевых) транзитных коридоров, связывающих Китай с Европой в рамках китайского мегапроекта «Один пояс – один путь» (ОПОП). Он включает семь транспортных коридоров (шесть сухопутных и один морской), связывающий Китай с Европой в основном в обход РФ (см. схему на стр. 10). Участие в этом проекте дает РФ лишь плюсы (эффекты домино) зависимого развития от роли пристижной в упряжке, где роль коренника (или возницы, направляющего движение) принадлежит Китаю.

«Сопряжение ЕАЭС и ОПОП», то есть встраивание ЕАЭС в ОПОП как дополнительной зоны транзитных путей для транспортировки грузов, является лишь частным решением, хотя и взаимодополняющим, исходя из географии доминантных коридоров: инфраструктурные транспортные коридоры ОПОП – горизонтальные (Европа–Китай), ЕАЭС – вертикальный (Север–Юг). Эти коридоры решают взаимодополняющие и непротиворечивые транспортные задачи, но обеспечивают лишь частичную Евразийскую интеграцию преимущественно под решение сформулированных «под себя» задач Китая.

Поэтому предлагаю добавить к интеграции на основе транспортных транзитных коридоров энергетический срез для перехода к общеевразийской интеграции – к энергетической консолидации Евразии на основе общеприоритетных для всех ее государств целей устойчивого развития – в первую очередь самой главной ЦУР-1 ООН.

Сегодня в западном мире на высшую ступень в иерархии приоритетов поставлена борьба за сохранение климата, а это ЦУР-13 из 17 Целей в области устойчивого развития ООН. То есть эта ЦУР не обладает высшим приоритетом, она даже не входит в верхнюю часть списка приоритетов ООН.

В странах Евразии главными приоритетами остаются ЦУР, расположенные в иерархии выше (в том числе много выше) ЦУР-13: ЦУР-1 (ликвидация нищеты), ЦУР-2 (ликвидация голода), ЦУР-6 (чистая вода и санитария), ЦУР-7 (недорогостоящая и чистая энергия) и др. Достижение этих ЦУР невозможно без решения проблемы «энергетической бедности», что является общим объединительным началом для всех государств Евразии. При этом ЦУР-7 не должна искаженно пониматься как переход на ВИЭ и отказ от невозобновляемых энергоресурсов (НВЭР). То есть речь должна идти не о превратно понимаемой «декарбонизации» (отказ от НВЭР), но о низкоэмиссионном развитии при использовании всех видов и источников энергии (похоже, даже в наиболее радикально заточенной на ВИЭ Европе начинают постепенно склоняться к такому пониманию). То есть нужна эффективная комбинация НВЭР плюс ВИЭ, плюс энергетической и эмиссионной эффективности их использования, включая утилизацию отработанного оборудования.

>> СТР. 10

Европа продолжает зависеть от внешних поставок газа

Блокаду российского топлива сложно реализовать

В поисках источника трубопроводного газа Евросоюз снова сделал ставку на Алжир.

Фото с сайта www.enagas.es

Олег Никифоров

В Брюсселе 30 мая опубликовали новые запретительные меры против России. Однако первоначально обсуждавшиеся ограничения в энергетическом секторе приняты не были. Представители стран ЕС ограничились введением запретительных пошлин при поставках российского зерна и растительного масла на европейский рынок. Утверждается, что это якобы не позволит поставлять зерно, собранное в новых регионах России, и облегчит конкуренцию украинской продукции.

Между тем «Газпром» сообщил, что ЕС за два прошедших со времени начала СВО года снизил потребление газа на 100 млрд куб. м. Компания отметила, что в 2023 году показатель упал до уровня 1996 года. В прошлом году потребление газа в европейских странах сократилось на 35 млрд куб. м, или 6,9%, до 472 млрд куб. м.

«В истории мировой энергетики впервые появился пример искусственного разрушения спроса на природный газ», – говорится в документе. При этом «Газпром» отмечает, что эти процессы происходят на фоне падения добычи газа в Европе, которая по итогам 2023 года снизилась на 18 млрд куб. м, в том числе в Норвегии на 7,5 млрд куб. м из-за технических сложностей и аварий.

Компания не ждет роста добычи в регионе. «На фоне истощения ресурсной базы в Европе дальнейшего роста собственной добычи газа в регионе не ожидается», – говорится в отчете. Кроме того, по мнению компании, цены на газ на европейском рынке высокочувствительны к внешним факторам. «В целом, несмотря на существенное снижение цен

– в среднем в 2023 году цены на основных рынках снизились на 60%, – стоимость газа в Европе сохраняет потенциальную подверженность ценовым шокам, что связано с отсутствием гибкости, которая ранее обеспечивалась за счет трубопроводных поставок газа по долгосрочным контрактам группы «Газпром», – сообщается в отчете. Также компания видит риски на фоне роста зависимости Европы от быстро меняющейся ситуации на рынке сжиженного природного газа (СПГ).

«Газпром» отмечает, что в 2023 году потребление газа в мире увеличилось на 15 млрд куб. м, или 0,3%, сдерживала рост теплая погода. Наибольший прирост потребления газа в 2023 году наблюдался в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР). Преимущественно за счет увеличения потребления газа в Китае более чем на 28 млрд куб. м. «Значимость природного газа продолжит расти при любом реалистичном сценарии развития энергетики, – считает компания. – По имеющимся оценкам, уже к 2040 году потребление природного газа в мире превысит 5 трлн куб. м. Ключевую роль в увеличении энергопотребления, в том числе потребления газа, будет играть Китай, который сможет обеспечить более трети прироста мирового спроса на газ».

В феврале этого года Еврокомиссия выступила с рекомендациями странам сообщества по использованию газа. Как следует из сообщения председательствования Еврокомиссии в Германии, Европа должна позаботиться о стабильности энергоснабжения. Поэтому рекомендуется экономнее обходиться с потреблением газа.

>> СТР. 10

Как избежать ловушек международного сотрудничества

(1) Экономический коридор Китай-Монголия-Россия, (2) Новый экономический коридор «Новый Евразийский сухопутный мост», (3) Экономический коридор Китай-Центральная Азия-Западная Азия, (4) Экономический коридор Китай-Пакистан, (5) Экономический коридор Бангладеш-Китай-Индия-Мьянма, (6) Экономический коридор Китай-Индокитай, (7) Морской шелковый путь XXI века.
Схема автора

<< ОКОНЧАНИЕ НАЧАЛО НА СТР. 9

Значит, нужна комбинация решений на основе эволюционного плюс революционного НТП, активная выработка и применение нетрадиционных решений не только на основе ВИЭ, хотя именно к последнему (только ВИЭ и их производные) западное сообщество подталкивает пока весь остальной мир.

Приоритеты и риски

Материальной основой для многосторонней взаимовыгодной сбалансированной консолидирующей политики России в Евразии является формирование общей энергетической инфраструктуры в рамках создания ЕЭП. Для этого необходимы в том числе эффективные взаимоприемлемые механизмы совместного финансирования инвестпроектов по приемлемым кредитным ставкам и инструменты минимизации инвестиционных рисков.

Россия должна избежать соблазна замещения надолго утраченного рынка ЕС китайским – это контрпродуктивная задача. Разворот европейских поставок на Восток по модели этих поставок (экспорт сырья, даже не продукты первого передела, ибо нефтепродукты таковым не являются) чреват риском «переползания» из англосаксонской ловушки в китайскую.

Россия нужно взяться за энергетическую консолидацию Евразии на основе общей для государств макрорегиона задачи – борьбы с энергетической бедностью. Следовательно, необходимо стимулировать и объединить усилия государств региона (а лучше возглавить как минимум идеологически и концептуально) на формирование общего/единого Евро-азиатского энергетического пространства, пока без «третьей ноги» (от БЭЭ – к ЕЭП). Возможности для консолидирующей роли России на этом пути в энергетической сфере у нашей страны есть, но ждут и ловушки.

Нефтегазовая ловушка – ловушка попадания в порочный круг зависимости от экспорта сырья для импорта всего остального («все куплю, сказала злато...»). Ее называют «голландской болезнью», или эффектом Пронингена, ссылаясь обычно на историю и экономические последствия освоения голландского газового месторождения Пронинген (открыто в 1959 году, начало промышленного освоения – 1963 год). Однако справедливости ради отметим, что первоначальная «голландская болезнь» связана с тыльными болезнями XVII века в этой стране, завершившейся биржевым крахом 1635–1637 годов.

В СССР рост экспорта нефти и цен на нефть в 1970-е годы обеспечили взрывной рост валютной выручки, что позволило наращивать импорт продовольствия, машин и оборудования, ширпотреба при сохранении низкой эффективности экономики страны. Но падение нефтяных цен в середине 1980-х годов привело к кризису внешней торговли страны, сокращению золотовалютных резервов, росту внешнего долга и в итоге к фактическому банкротству СССР.

Постсоветская Россия с начала 1990-х годов и до санкций 2014–2022 годов, после разрыва внутри- и межгорячих производственных цепочек после распада СССР и СЭВ, в условиях жесточайшего финансового кризиса 1990-х годов, связанного с системной трансформацией страны, продолжала находиться в этой ловушке. Поэтому провал нефтяных цен после азиатского финансового кризиса 1997 года привел к дефол-

ту; а рост нефтяных цен 2000–2008 годов и предельно высокие их уровни в 2009–2014 годах стали основой экономического бума середины нулевых: экспорт нефти и газа обеспечил импорт многого остального.

Можно ли избежать «голландской болезни», опираясь на нефть и газ? Можно, пример – Норвегия. То есть причина не в нефти и газе, а в модели хозяйствования: где и как монетизируются нефтегазовые доходы и локализуются мультипликативные эффекты от нефти и газа. Пример упущенных возможностей на этом пути в нашей стране – несостоявшаяся модель массового применения режима соглашений о разделе продукции (СРП) в России в 1990-е годы. Она дала бы возможность использовать будущую государственную долю прибыльной нефти проектов СРП как гарантированное ликвидное обеспечение под финансирование широкомасштабной модернизации/реконструкции обрабатывающих отраслей страны в народнохозяйственных интересах, и локализовать мультипликативные эффекты от нефти и газа. Но увя... режим СРП в России был целенаправленно уничтожен.

Можно ли избежать нефтегазовой ловушки («голландской болезни»), сохраняя сотрудничество в энергетике? Ответ «нет», если речь идет только об экспортных поставках первичных энергоресурсов (или сырья низших переделов) на импортных энергоустройствах, тем более или преимущественно в одну страну. Ответ «да», если вести речь об энерготехнологическом сотрудничестве, на новых направлениях, в рамках новых совместных, в том числе нетривиальных решений, как технологических, так и организационно-управленческих, в том числе по широкому кругу стран, объединенных решением одной общей для всех задачи.

Например, на основе мтСПП и бизнесов и инструментальных решений вокруг него для борьбы с энергетической бедностью в Евразии. Или на основе модульных, в том числе плавающих, мини-АЭС, типа и на основе нашей АЭС «Ломоносов», которые будут особенно актуальны – и, не сомневайтесь, конкурентоспособны – в островных экономиках Евразии. Или по разработке утилизационных/ликвидационных технологий. Эта проблема является особенно актуальной (но пока недооцененной) для ВИЭ, ибо отсутствуют эффективные (или просто отсутствуют) технологии утилизации отработанных элементов ветряных и солнечных электростанций, аккумуляторных батарей. Или по созданию совместных (с бизнесами заинтересованных стран Евразии) вертикально интегрированных энергетических компаний вверх по цепочкам создания стоимости в области высоких переделов по принципу «обмена активами» и сложения компетенций, отталкиваясь от того, что не работало (что, например, «Газпрому» не дала реализовать) в Европе. Но используя при этом и положительный опыт регулирования ЕС, например механику «проектов общего интереса» и др.

В основе англосаксонской ловушки лежит аксиома любой программы действий США при любых обстоятельствах и во взаимоотношениях с любыми партнерами: «помогая другим, помогаешь себе». Вот пример коллективной англосаксонской ловушки США

и ЕС, в которую попали постсоветская Россия, страны СНГ, Восточной Европы в 1990-е годы и далее. Это «программы помощи» США в рамках Международного валютного фонда, Всемирного банка, Эксимбанка США (US EximBank), агентства USAid, программа помощи ЕС Tacis и др. Все они были нацелены на встраивание государства бывшего СССР/СЭВ в мировую/глобальную экономику по западным правилам. Эти правила были новыми для формирующегося российского, постсоветского и восточноевропейского бизнеса, что означало для него дополнительные транзакционные издержки и частичную утрату конкурентоспособности. Но эти правила были привычными для западного бизнеса, что означало минимизацию рисков и создание конкурентных преимуществ для его работы на пространстве бывшего СССР/СЭВ. Это встраивание в мировую (западную) экономику происходило в значительной мере на западном оборудовании, ибо приобретение и постпродажное обслуживание англосаксонского оборудования было быстрее, дешевле, качественнее, эффективнее (то есть оно было на тот момент наилучшим в терминах «цена-качество» в рамках производственного цикла «покупка-эксплуатация»), чем производство отечественного в условиях одномоментного разрыва кооперационных связей в рамках бывшего СССР и СЭВ и долгого финансового кризиса, связанного с переходным периодом системной трансформации страны. Эта ловушка обеспечивала привязку к западным стандартам, ГОСТам и т.п., то есть обрекала на расширяющуюся воспроизводственную спираль зависимости от Запада, тем более что западные страны активно применяли программы поддержки своего экспорта.

Нацеленная на такую поддержку типовая модель Эксимбанка США и экспортных агентств других стран коллективного Запада (США, ЕС, Японии) предусматривала комбинацию экспортных связанных кредитов (льготное, длинное кредитование, обычно под госгарантию), плюс экспорт оборудования страны-кредитора, плюс транспортное обслуживание компаниями страны-кредитора, плюс постпродажное сервисное обслуживание, ремонтные работы специалистами/персоналом страны-кредитора. Возврат кредитов (основного долга плюс процентов по кредиту) при длинных сроках их погашения даже при низкой ставке – это высокие кумулятивные процентные выплаты за обслуживание кредита, которое производилось обычно сырьем или продукцией низших переделов.

По сходной модели устроена потенциальная китайская ловушка. Только у нее есть отличительные черты от англосаксонской, по крайней мере в энергетической сфере, – китайское финансирование дороже англосаксонского и его объемы менее обильны, а уровень китайских технологий ниже. Мы с моими магистрантами Губкинского университета в 2015 году, после первой волны антироссийских технологических и финансовых санкций, последовавших в ответ на «крымскую весну», доказали это, проведя соответствующий сравнительный анализ и опубликовав его в работе «Влияние антироссийских санкций на освоение нефтегазового потенциала российского арктического шельфа – и развития энергетической политики России» (см. www.kopornyuk.ru).

Примеры стран, попавших в ловушку китайской модели сотрудничества, широко известны – Туркменистан, Пакистан (в рамках экономического коридора Китай-Пакистан – обозначен номером 5 на схеме), Шри-Ланка (в рамках Морского шелкового пути XXI века – обозначен номером 7 на схеме) и др. В ее основе – связанные дешевле китайские кредиты, китайское оборудование и рабочая сила, наводнение рынка дешевыми китайскими потребительскими товарами, угнетение отечественной промышленности и т.п.

При этом отмечу, что Китай зачастую умеет захлопывать такую ловушку много быстрее, чем англосаксы.

Если на смену «долгорукому веку США» идет «век Китая», то в условиях западных антироссийских санкций существует риск замены англосаксонской ловушки на китайскую. Такой риск для РФ объективно существует после 2014 года, но особенно усилился после 2022 года. Достаточно взглянуть на то, как изменился парк иностранных автомобилей на улицах крупных российских городов. Уже происходит замещение англосаксонского оборудования и финансирования китайским, что допустимо, на мой взгляд, как временное краткосрочное решение, но велик риск его превращения в долгосрочную зависимость. Риск всех ловушек один – избыточная зависимость от одного товара, покупателя, продавца, отсутствия их диверсификации, множественности выбора, конкуренции. Отсюда следуют зависимость (подчиненное) развитие, утрата суверенного выбора. Возникает конфликт между сиюминутным удобством бизнеса и долгосрочными интересами страны.

Решение проблемы непопадания в указанные ловушки – только внутри страны. Это обретение технологического, финансового, интеллектуального суверенитета, что в итоге даст возможность обрести реальный суверенитет над своими природными ресурсами. Но текущая политика Банка России убивает проектное финансирование и финансирование НТП запретительной ключевой ставкой – сегодня 16%.

Финансирование только из прибыли, фактический запрет на инвестиционное (длинное) кредитование приводит к исключению коммерческих банков из финансирования экономического развития страны, значительная часть бюджета идет на компенсацию им разницы процентных ставок в рамках программ льготного кредитования. То есть частное финансирование создания передового отечественного конкурентоспособного оборудования угнетается, растет тем самым спрос на финансирование государственное, но значительная его часть отвлекается на компенсацию компаниям процентной разницы вместо финансирования развития. Вариант возможного решения: целевое эмиссионное финансирование под будущий спрос и будущие налоговые поступления от него. Формирование же гарантированного сбыта обеспечивается по модели долгосрочного контракта, как в газовой отрасли. Консолидированный спрос должен собираться и обобщаться не в рамках частной инициативы отдельных компаний, а в рамках государственного мониторинга и госзаказа. Удается ли избежать китайской ловушки? ■

Андрей Александрович Конопляник – д.т.н., профессор, член научного совета РАН по системным исследованиям в энергетике.

От возможности к действительности

НГ ЭНЕРГИЯ

Приложение к «Независимой газете», выходит 1 раз в месяц

УЧРЕДИТЕЛЬ
ЗАО «Редакция «Независимой газеты»
ИЗДАТЕЛЬ
ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ДИРЕКТОР
ПРИМЕР
К. В. Ремчуков
Заместитель генерального директора
Елена Ремчукова
1-й заместитель главного редактора
Александр Дерабин
Заместители главного редактора
Елена Ремчукова, Андрей Вазанов,
Андрей Мельников
ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР
Олег Никифоров

РЕДАКТОР
Кирилл Астахов
Отдел рекламы
Директор
Наталья Васюта
Тел./факс 645-61-55, vsm@ng.ru
Заместитель генерального директора
Директор
Павел Константинов
ТЕЛЕФОН РЕДАКЦИИ (495) 645-54-15
E-mail: energy@ng.ru
© «Независимая газета», © «НГ ЭНЕРГИЯ»
«НГ-Энергия» зарегистрирована в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.
Свидетельство о регистрации СМИ
ПИ № ФС77-60213 от 17.12.2014

Европа продолжает зависеть от внешних поставок газа

<< ОКОНЧАНИЕ НАЧАЛО НА СТР. 9

С августа 2022 года по декабрь 2023-го страны ЕС снизили свою потребность в газе на 18% и сэкономили таким образом 101 млрд куб. м. Этим они превзошли первоначально поставленную цель снижения потребления газа на 15%. Комиссия ЕС предлагает продлить такие рекомендации до весны 2025 года.

14-й пакет антироссийских санкций предусматривает отказ от российского СПГ. Общее потребление газа в Европе составило в 2023 году 87,7 млрд куб. м. При этом из других стран поступило 41,6 млрд куб. м. В случае отказа от российского газа странами Европы поставитель энергоресурсов могут начать США, Катар и Австралия, заявил в беседе с NEWS.ru ведущий эксперт Фонда национальной энергетической безопасности Игорь Юшков. Он подчеркнул, что страны Запада в такой ситуации смогут получать СПГ, а не трубопроводный газ. По его словам, единственным трубопроводным поставщиком в Европу останется Норвегия, но ее запасы на пределе.

По словам эксперта, также получать газ могут из Алжира, но у них ограниченная ресурсная база. А чтобы наладить поставки из Азербайджана, придется строить новый газопровод. Юшков также напомнил, что страны Европы планируют полностью перейти к возобновляемой энергетике к 2040 году.

Заменив российский газ европейцам можно, но за это нужно будет очень хорошо заплатить, причем в каждый момент времени придется платить больше, чем в Азии, чтобы СПГ пришел именно им, а не Китаю или Японии. Это дорогое удовольствие, заключил энергетик. Юшков ранее заявил, что отказ от российских энергоресурсов, в том числе от газа, приведет к росту тарифов на электроэнергию в Европе. Эксперт уточнил, что это будет ударом по экономике в странах Запада.

Вместе с тем отдельными европейскими странами Алжир со счетов не сбрасывается. Так, Словения договорилась с Алжиром об увеличении поставок газа с 2026 года. Африканская страна планирует за четыре года увеличить добычу более чем на 50%. Пока же, отмечают эксперты, экспорт в Европу из Алжира снижается.

Алжирская Sonatrach и словенская Georlin подписали соглашение о поставках газа. Компания из Северной Африки взяла на себя обязательство поставлять с 2026 года на 60% топлива больше, чем по действующему контракту – 500 млн куб. м в год. Этот объем составляет Евросоюз с начала СВО в 2022 году снизил потребление газа на 100 миллиардов кубических метров

половину текущего потребления в стране. «Соглашение, заключенное в рамках соглашения о купле-продаже природного газа между двумя компаниями, касается увеличения объемов природного газа, транспортируемого в Словению по трубопроводу, соединяющему Алжир с Италией. Таким образом, это соглашение является еще одним шагом на пути к укреплению энергетических связей между Алжиром и Словенией», – заявили в Sonatrach, добавив, что алжирская компания укрепляет свои позиции на словенском рынке, удовлетворяя при этом растущий спрос на природный газ на европейском рынке.

Во второй половине мая 2024 года, по данным интернет-портала Eur-Asia Daily, поставки по европейской нитке «Турецкого потока» вышли на рекордный уровень сверх проектной мощности. В Венгрии, Болгарии и Румынии активно закачивают газ в хранилища перед отопительным сезоном, а в Греции отдали предпочтение топливу «Газпрома» перед СПГ. С 14 мая среднесуточные поставки на выходе из европейской нитки «Турецкого потока» на турецко-болгарской границе выросли до 50 млн куб. м, по данным платформ операторов газотранспортной системы (ГТС) стран ЕС ENTASO. Это новый рекорд газопровода с августа 2023 года. Сверх проектной мощности подается 7 млн куб. м в сутки. Общий же майский уровень составляет 45,2 млн куб. м.

Судя по данным ENTASO, «Газпром» нарастил подачу газа почти всем потребителям «Турецкого потока», включая Болгарию, которая покупает российский газ у европейских трейдеров. Так, с середины мая увеличили импорт Венгрия, Румыния, Сербия и Греция. Первые три нарастили закачку газа в хранилища, по данным GIE. А вот Греция, очевидно, компенсирует российский газом снижение импорта СПГ. Его отгрузка в ГТС страны снизилась с 2,3 млн куб. м в сутки в апреле до 0,6 млн куб. м в сутки в мае.

Также больше российского газа получают и в Болгарии, которая с 2022 года не покупает у «Газпрома» напрямую, а пользуется услугами европейских трейдеров. В стране также идет сезон закачки газа. В подземном хранилище газа «Чирен» она выросла с середины мая с 2,5 млн куб. м в сутки до 3,1 млн куб. м. Судя по разнице поставок, в Болгарии остается в мае в среднем 2,9 млн куб. м в сутки из «Турецкого потока», а с 14 мая – 3,6 млн куб. м.

«На хабах держится высокая цена и по долгосрочным контрактам, она, вероятно, более привлекательна для покупателей», – говорит замдиректора Фонда национальной энергетической безопасности Алексей Гривач. Он отмечает, что цена связана с комбинацией факторов, таких как отток СПГ в Азию, где начался летний максимум спроса в секторе кондиционирования, а также нервность рынка из-за неопределенности с украинским транзитом и вообще доступностью российского трубопроводного газа и СПГ в среднесрочной перспективе в связи с санкционными и иными регуляторными рисками.

Если в апреле стоимость газа с поставкой на месяц вперед на нидерландской бирже TTF находилась в границах 320 долл. за 1 тыс. куб. м, то 29 мая – 380 долл. за 1 тыс. куб. м.

Возможно, примером может быть экспорт балтийского СПГ – с комплекса «Портовая». Уже несколько месяцев грузы, которые «Газпром» продает на спотовом рынке, не доставляются в Грецию, а идут в Китай. Не исключено, что рост поставок может включать в себя и свои (обмены), когда российский газ поставляется, например, в Болгарию взамен каспийского. Например, по интерконнектору от «Ожнего газового коридора» из Греции в Болгарию поставки во второй половине мая даже снизились – на 500 тыс. куб. м в сутки. Как сообщало EurAsia Daily, за несколько лет из-за санкций и контрсанкций «Газпром» снизил экспорт в Европу в пять раз. В то же время доля российского газа, включая СПГ, продолжает оставаться достаточно высокой – 15%. ■